

"ПОДПОЛЬНЫЙ" ГЕРОЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ**Ю.А. Романов**

В статье обозначены критерии определения архетипического образа на примере рассмотрения «подпольного» героя Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: архетип, подполье, образ

У статті наведено критерії визначення архетипічного образу на прикладі розгляду „підпільного” героя Ф.М. Достоевського.

Ключові слова: архетип, підпілля, образ

The article sketches the criteria of definition of an archetype image illustrated by an “underground” character of F.M. Dostoevsky.

Key words: archetype, underground, image

Постановка проблемы. Уже 140 лет прошло со времени выхода в свет повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». Не получив широкого признания современников, это произведение было по достоинству оценено лишь десятилетия спустя в трудах русской философской критики рубежа XIX – XX вв. (Западу повесть Достоевского открыл Ф. Ницше) и в последующем оказало значительное влияние на развитие как русской, так и мировой литературы.

«Прологом всей литературы XX века» называют «Записки из подполья» в наши дни [1, с.112]; и поныне эта книга остается одной из наиболее читаемых среди русской классики [2, с.202].

Чем же обусловлена такая значимость «подпольного» героя для творчества Ф.М. Достоевского и мировой литературы? Почему его считают одним из главнейших в образной системе писателя? Разрабатывая типологию образов Достоевского, человека из «подполья» относят к «сверхтипам» [3], а когда речь заходит о влиянии «подпольного» героя на творчество ряда зарубежных классиков, выстраивают целую галерею «подпольных» образов [1, с.370]? Ответ на эти вопросы, очевидно, состоит в том, что человек из «подполья» является не просто одним из характеров в образной системе русского писателя, а принадлежит ряду архетипических образов мировой литературы – таких, как Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан и Фауст [2, с.202].

Цель настоящей статьи – обозначить критерии определения архетипического образа на примере рассмотрения «подпольного» героя Ф.М. Достоевского.

Как известно, термин «архетип» (от греческого *archetipos* – первообраз) восходит к античной философии, в центре внимания которой стояла проблема первоначала. К.Г. Юнг, впервые разработавший теорию архетипов, отмечал: «Выражение «архетип» встречается уже у Филона Александрийского по отношению к образу Божьему в человеке. Также у Иринейя, где говорится: «Безупречный создатель не осеменил грязь, но изменил, принеся архетип». (...) У Дионисия Ареопагита это выражение неоднократно встречается в «Божественных именах». У Св. Августина Блаженного, правда, встречается не выражение «архетип», а «идея»; так, например, в «Божественных поисках»: «идея, которую формирует не существование, а которая в Божественном разуме содержится». «Архетип» – перифраза, объясняющая платоновскую идею» [4, с.249].

Сам К.Г. Юнг из собственного опыта практикующего врача-психиатра вынес убеждение о том, что в коллективном психическом опыте, передающемся от поколения к поколению, существуют такие мотивы, которые с непостижимым постоянством проявляются как в мифах, верованиях разных времен и народов, так и в душевных процессах отдельных людей, совершенно незнакомых с мифологией. Центральным понятием для Юнга стало понятие коллективного бессознательного, обладающего универсальной, надперсональной природой. Он предположил, что коллективное бессознательное постоянно продуцирует некоторые схемы, формирующие представления человека и являющиеся выражением его всеобщих нужд, инстинктов и потенциальных устремлений. Данные схемы он назвал «изначальными образами», или «архетипами бессознательного».

«Понятие архетипа, – отмечал Юнг, – выведено из многократно повторяющихся наблюдений, что, например, мировую литературу определяют те мифы и сказки, которые содержат в себе мотивы, вновь и вновь появляющиеся повсюду. Эти же самые мотивы мы встречаем в фантазиях, сновидениях, делириях и безумных идеях современных людей. Эти типичные образы и взаимосвязи характеризуются как архетипические представления (...) Они проистекают из неосознаваемого самого по себе архетипа, бессознательной предформы, которая, по-видимому, относится к унаследованной структуре психики и вследствие этого может манифестироваться повсюду как спонтанное явление» [4, с.385].

Характеризуя архетип прежде всего как формальное, а не содержательное понятие (содержательную характеристику первообраз приобретает лишь при актуализации в сознании и

наполнении при этом материалом сознательного опыта), Юнг сравнивал его с «осевой структурой кристалла», предопределяющей его формирование «в исходном растворе» и не существующей при этом материально. «Сам по себе архетип представляет собой пустой формальный элемент, ничто иное, как *praeformatio* (предформирование), данную априори возможность той или иной формы представления» [4, с.385-386].

Таким образом, любой из архетипов (их, по систематике Юнга, не более десятка) может иметь «невообразимое множество аспектов» (то есть содержаний). Например, для архетипа Матери – это «мать и бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща.., кормилица и нянька.., в высшем, переносном смысле – богиня, особенно мать Бога, в более широком смысле – церковь, университет, город, страна.., в более узком смысле – место рождения или происхождения – пашня, сады, утес, пещера, дерево» и проч. [5, с.128-129]. Различными (нередко противоположными) содержательными характеристиками обладают архетипы Тени (негативная сторона Эго, которую сознание предпочитает не замечать или подавлять и которая одновременно служит источником борьбы внутренних противоречий), Духа (репрезентируется как в образах мудрого старца, так и злого колдуна), Анимы/Анимуса (женское начало в мужчине и мужское – в женщине), Трикстера, Ребенка, Самости.

Следует отметить, что, несмотря на то что для архетипного подхода в литературоведении юнговская концепция архетипа по-прежнему остается значимой, в последующий период произошло значительное расширение данного понятия и на современном этапе под архетипами понимают просто «наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы... уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [6, с.34].

Кроме того, при изучении архетипов и мифов современные литературоведы используют целый ряд понятий и терминов: мифологемы (мифологические мотивы и сюжеты), архетипическая модель, архетипические черты, архетипические формулы и др. [7, с.33].

Предметом рассмотрения настоящей работы является архетипический образ – такое художественное изображение человека (следует отметить, что помимо персонажей архетипическими образами могут также выступать и образы-предметы, образы-явления), в характере которого ярко выражена часть коллективного опыта, архетипическая память поколений. Важнейшим признаком архетипического характера является наличие в нем априори данного поведенческого мотива, который несет усиленную идеологическую нагрузку, имеет притчевый характер.

Например, мотив, определяющий духодвижение «подпольного» героя, можно представить, на наш взгляд, следующей исповедальной «подпольной» притчей: «Меня больно ранит несовершенство мира. Я бегу от него в «прекрасное и высокое». В нем нет Бога, но есть Человекобог, я хочу стать им, чтобы насильственно изменить презренный мир. Но я не в силах стать Наполеоном, а значит, я не только не достоин его, я – ниже самого обыкновенного «непосредственного человека и деятеля». Этот «нормальный» человек – презираемый мною пол; я же – хуже, гаже, чем он: я – «подполье». Я казнию себя за эту низость до боли, до наслажденья. Самоказнь делает меня «выброшенным из компании человеческой», но без самоказни, без обособления, «подполья» я прожить уже не могу...».

Как показывают исследования литературоведов (одним из ведущих направлений в литературоведческих работах последних лет, посвященных «Запискам из подполья», является изучение влияния образа «подпольного» героя Достоевского на творчество классиков мировой литературы [см. 8; 9]), данная архетипическая модель «подпольного» поведения с разной степенью полноты отражена не только в характерологии Достоевского (такие герои, как Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин и Кириллов, Версилов и младший князь Сокольский, великий инквизитор и Иван Карамазов [10, с.13]), но и в творчестве Гюйсманса, Дюамеля, Мальро, Камю, Фолкнера, Эллисона, Берроуза и многих других [1, с.370]. Это обстоятельство уже само по себе дает достаточно веские основания для того, чтобы считать человека из «подполья» одним из архетипических образов.

Однако наиболее существенным признаком архетипического образа является его закрепленность в сакральных источниках. Человекобожие «подпольного» героя – не что иное, как «притязание гордыни сатанинской» [11, с.68], само же «подполье» коррелирует с библейским образом Ада – «подземного» царства, в котором правит Сатана [12]. Последнее подтверждается и фольклорными источниками – по словарю В.И. Даля, в русских сказках говорится о том, что «в подполье сидят остроголовые черти» [13, с.197].

Итак, исходя из теоретических обоснований архетипного понимания литературного образа и архетипических критериев, мы относим человека из «подполья» к архетипическим образам.

Выводы.

Архетипный подход, позволяющий увидеть многие существенные стороны в содержании художественных произведений (преемственность в жизни человеческого рода, неразрывную связь времен, проявления архетипической памяти [см. 7, с.36]), весьма важен и перспективен для современного литературоведения.

Научное наследие К.Г. Юнга, который разрабатывал теорию архетипов и одновременно указывал на возможность архетипного подхода к изучению произведения (под писательским процессом К.Г. Юнг понимал «бессознательное оживление архетипа» и его «перевод на язык современности, благодаря чему каждый становится способным... заново найти подход к глубочайшим источникам жизни, которые иначе были бы потеряны» [14, с.126, 129]), остается актуальным для литературоведов и в наши дни.

В то же время нельзя не учитывать того, что современное понимание архетипа значительно расширилось и интерпретируется «уже без обязательной связи с юнгианством как таковым». (Впрочем, и теперь архетипы остаются предметом споров и дискуссий [см., например, 15; 16]. Как отмечал тот же Юнг: «Ни на мгновение нельзя предаваться иллюзии, что архетип можно объяснить раз и навсегда и на этом разделаться с ним. Даже самая лучшая попытка объяснения представляет собой лишь более или менее удачный перевод на другой образный язык» [4, с.386].)

Вместе с тем совершенно очевидно, что мировая литература располагает рядом архетипических образов (Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан, Фауст), куда по праву входит и «подпольный» герой Ф.М. Достоевского.

Основными признаками архетипического образа являются: наличие в его характере априори данного, ясно выраженного мотива, в той или иной мере запечатленного в образах мировой классики, и в особенности его закреплённость в фольклорных и сакральных источниках.

Относительными критериями определения архетипического образа также служат его связи как с архетипами из систематики Юнга, так и с архетипами в современном, более широком понимании. (В частности, «подпольный» мотив, на наш взгляд, является одним из содержаний юнговского архетипа Тени, а также выражением архетипа Антигероя.)

Изучение архетипических образов при архетипном подходе в литературоведении в значительной мере определяет **перспективы исследований** в данном направлении.

Литература:

1. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. – М.: ТЕРРА, 1997. – 396с.
2. Frank J. Notes from Underground // F. Dostoevsky. Notes from Underground / Transl. and ed. by M.R. Katz. – N.Y., 1989. – P.202-237.
3. Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М.Достоевского. – Новосибирск: Наука, 1981. – 145с.
4. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Божественный ребенок. – М.: Олимп: ООО Изд-во АСТ-ЛТД, 1997. – С.248-290.
5. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери // Бог и бессознательное. – М.: Олимп: ООО Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. – С.122-161.
6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136с.
7. Эсалнек А.Я. Архетип // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Черновой. – М.: Высшая школа, 2000. – С.30-37.
8. Farris J.P. Current Bibliography, 1995-1997 // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New series. – Dresden Univ. Press, 1998. – Vol. 2. – №2. – P.103-187.
9. Farris J.P. Current Bibliography, 1998-1999 // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New series. – Tübingen: Attempto Verlag, 1999. – Vol. 3. – P.101-193.
10. Захаров В. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // "Достоевский и мировая культура": Альманах. – СПб., 1994. – №2. – С.5-13.
11. Лосский Н. О природе сатанинской // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. – Пб.: Мысль, 1922. – С.67-92.
12. Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – СПб.: Фонд Ленинградская галерея; АО Норпит, 1996. – С.23.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.3. – М.: Терра, 1995. – 560с.
14. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы // Классический психоанализ и художественная литература / Сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. – СПб.: Питер, 2002. – С.106-130.
15. Майкова А.Н. Архетипы и архетипические образы (на примере сказки о Царевне-лягушке и мифе о Гильгамеше) // Филологические науки. – 1999. – №4. – С.20-29.
16. Абрамович С.Д. К вопросу о литературном воплощении архетипов русской ментальности // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь, 2002. – Вып.2. – С.23-39.

Поступила 28.09.2004 г.